

Осьминог

Впервые я увидел его в четверг. Я точно помню, что это был именно он, потому что вечера по четвергам мы с моей собакой Лили отводим под разговоры о парнях, которых считаем симпатичными. Лили двенадцать реальных лет, то есть восемьдесят четыре года по собачьему исчислению. Мне сорок два, то есть двести девяносто четыре по собачьему возрасту, но мои двести девяносто четыре — в сущности, еще молодость, потому что я в неплохой форме и часто слышу от людей, что выгляжу не старше, чем на двести тридцать восемь лет, то есть на тридцать четыре человеческих года. Я рассказываю о нашем возрасте так подробно потому, что мы оба немного инфантильны и питаем слабость к людям моложе нас. Мы подолгу обсуждаем Райанов. Я за Гослинга, а Лили стоит горой за Рейнольдса, хоть и не в состоянии назвать ни единого фильма с ним, который смотрела хотя бы дважды. (Филлиппа из списка мы вычеркнули еще несколько

лет назад, потому что так и не смогли договориться, как произносить его фамилию — Филлипп? Филлиппай? — и вдобавок потому, что снимается он уже не так часто, как раньше.) Потом мы переключаемся на Мэттов и Томов. И отдаем предпочтение то Бомеру, то Деймону, то Брэди, то Харди — смотря как прошла неделя. А потом наконец наступает очередь обоих Брэдли — Купера и Милтона, хотя, строго говоря, последний из них намного старше нас и давно умер, и я не знаю толком, почему моя собака постоянно вспоминает о нем — разве что из любви к настольным играм, в которые мы обычно играем по пятницам¹.

Так или иначе, в этот конкретный четверг мы обсуждаем Крисов — Хемсворта, Эванса и Пайна. Ни с того ни с сего Лили предлагает внести в список Криса Прэтта, и вот тут-то я и замечаю осьминога. Нечасто случается увидеть осьминога так близко, да еще у тебя в гостиной, и вдобавок восседающим на голове твоей собаки, словно праздничный колпак, так что это зрелище застает меня врасплох. Я прекрасно вижу его, поскольку мы с Лили сидим в противоположных концах дивана, каждый со своей подушкой: я — скрестив ноги по-турецки, она — в позе льва из заставки «МГМ».

¹ Милтон Купер (1836–1911) — американский магнат и издатель, считается основателем индустрии настольных игр. — *Здесь и далее прим. пер.*

— Лили!

— Включать Криса Прэтта в список совсем не обязательно, я просто предложила, — отзывается она.

— Да я не об этом! Что у тебя на голове? — спрашиваю я. Два щупальца осьминога тянутся к ее нижней челюсти, как подбородочный ремень шлема.

— Где?

— То есть как это «где»? Вон там. Повыше правого виска.

Лили молчит, глядя на меня. Наши взгляды встречаются. Она отводит глаза, только чтобы мельком посмотреть вверх, на осьминога.

— А-а, ты об *этом*.

— Да, о нем самом.

Я быстро выбрасываю вперед руку и хватаю ее за морду так, как делал раньше, когда она была еще щенком и слишком много лаяла, настолько взбудораженная самим фактом существования каждого нового для нее предмета, что просто не могла не выражать свой восторг звонким стаккато: ТЫ! ТОЛЬКО! ГЛЯНЬ! НИЧЕГО! ЛУЧШЕ! ЕЩЕ! НИКОГДА! НЕ! ВИДЕЛА! КАК! ЖЕ! ЗДОРОВО! ЧТО! Я! ЖИВУ! Когда мы только начали жить вместе, порой за то время, которое мне требовалось, чтобы принять душ, она успевала перетаскать всю мою обувь тринадцатого размера¹ вверх по лестнице, на расстояние трех комнат от преж-

¹ Российский 46-й.

него места. А когда я спрашивал ее зачем, она убежденно отвечала: ЭТИМ! ШТУКАМ! КОТОРЫЕ! ТЫ! НОСИШЬ! НА! НОГАХ! САМОЕ! МЕСТО! ВОЗЛЕ! ЛЕСТНИЦЫ! Целое море идей и энтузиазма.

Я притягиваю собаку к себе и поворачиваю ее голову вбок, чтобы осмотреть как следует, не спеша. Она отвечает мне самым неодобрительным взглядом, какой только может изобразить, скосив глаза, раздраженная как моим назойливым и нежелательным вниманием, так и бестактностью такого большого и глупого человеческого самца — то есть меня.

Осьминог держится цепко и сидит вплотную к ее глазу, прямо над ним. Я собираюсь с духом, для чего мне требуется минута, и наконец пробую его на ощупь. Он тверже, чем я предполагал. Не как воздушный шарик, наполненный водой, а скорее как... кость. Он ощущается так, словно находится под кожей, и все-таки остается на виду. Я принимаюсь считать его щупальца, поворачивая голову Лили, и в самом деле насчитываю восемь штук. осьминог выглядит сердитым и вместе с тем инородным. Пожалуй, уместнее было бы назвать его *агрессивным*. Как будто он заявляет о себе и требует потесниться. Не буду врать: я испуган и растерян. Однажды я смотрел видео, в котором осьминог так ловко маскировался на дне океана, что оставался совершенно невидимым, пока какой-нибудь незадачливый моллюск, краб или морской слизень не приближался вплотную, а потом с убий-

ственной точностью наносил удар. Помню, как я перематывал видео обратно и просматривал его вновь, пытаюсь высмотреть осьминога в убежище. После бесчисленных повторов я наконец научился распознавать его присутствие, ощущать его энергию и угрозу, его намерение накинуться на жертву, хоть по-прежнему не мог отчетливо разглядеть его до броска. Однажды увидев, осьминога уже невозможно «развидеть» — остается лишь восхищаться его способностью так искусно прятаться, находясь вроде бы на виду.

Вот так вот.

Теперь я заметил его, поэтому уже не могу «развидеть». Осьминог до неузнаваемости меняет морду Лили. Морду, которая всегда казалась мне такой красивой, — благородный и классический собачий профиль, лишь слегка подпорченный нелепым телом таксы. Но ее морда! Идеальная в своей симметрии. Если отвести назад уши, она напоминает по форме маленькую кеглю, покрытую нежнейшей шерсткой оттенка красного дерева. А сейчас она выглядит как потрепанная кегля уже не по форме, а по роду деятельности, — украсилась бугром, словно и впрямь побывала первой из расставленных десяти.

Лили дважды фыркает на меня, раздувая ноздри, и я спохватываюсь, заметив, что по-прежнему держу ее за морду. Я отпускаю ее, моим бесцеремонным обращением она возмущена до глубины души.

— Не хочу об этом говорить, — заявляет она, уткнувшись головой в собственный живот и что-то там выкусывая.

— А я *хочу*.

Мне необходимо поговорить главным образом о том, как вышло, что прежде я не замечал осьминога. Как я мог нести ответственность за все, что касалось повседневной жизни и благополучия Лили — еду, воду, физическую нагрузку, игрушки, в том числе жевательные, внутреннее и внешнее состояние, лечение, выведение отходов, развлечения, уют, ласки, любовь, — и не заметил, что у нее сбоку на голове восседает осьминог, разрастаясь до угрожающих размеров. *«Осьминог — мастер маскировки, — напоминаю я себе, — его задача — как следует спрятаться»*. Но, произнося эти слова мысленно, я задумываюсь о том, почему так легко прощаю себе этот промах.

— Это больно?

Вдох. Выдох. Когда Лили была моложе, похожий звук она издавала во сне, обычно прямо перед тем, как начинала быстро-быстро сучить лапами, и это предвещало чудесный сон — погоню за белками или птичками или беготню по теплomu песку на бесконечном золотистом пляже. Не знаю почему, но мне вдруг вспоминается, как Итан Хоук отвечал на вопросы традиционной анкеты Бернара Пиво, которыми заканчивался каждый выпуск передачи «В актерской студии»:

«Какой звук или шум вам нравится?»

«Когда вздыхают щенята», — ответил Итан.

ИМЕННО! Удивительное, чудесное сочетание — щенки и вздохи. Можно подумать, будто у теплых, сладко спящих щенков есть причины вздыхать — грустно, устало или раздраженно. И все-таки они постоянно вздыхают! Мило и невинно выдыхают воздух. Но на этот раз вздох другой. Еле уловимо иной. Неопытный слух не отличил бы его от прежних, но я знаю Лили так хорошо, как только вообще можно знать живое существо, потому замечаю перемену. В этом вздохе слышится тяжесть и боль. В мире Лили появились заботы, на ее плечи лег тяжкий груз.

Я снова спрашиваю:

— Это больно?

Она отвечает не сразу, а после долгой паузы, все тщательно обдумав.

— Иногда.

Лучшее в собаках — это их умение понять, когда они особенно нужны нам: тогда они бросают все свои дела, лишь бы посидеть с нами. Больше мне незачем расспрашивать Лили. Я могу сделать для нее то же, что она бесчисленное множество раз делала для меня — в горе, болезни, унынии, в дни общих волнений и недомоганий. Я могу молча сидеть с ней, соприкасаясь телами лишь настолько, чтобы излучать тепло, делиться энергией, вибрирующей во всех живых существах, — сидеть до тех пор, пока наше дыхание не замедлится и не войдет

Стивен Роули

в согласованный ритм, как бывает всегда, когда мы сидим тихо-тихо.

Я беру ее за складку кожи на затылке — так, как, наверное, брала ее в щенячестве мать, когда переносила с места на место.

— Ветер крепчает, — говорю я. Глядя на осьминога так пристально, насколько хватает духу, я опасаюсь, что в моих словах больше истины, чем мне хотелось бы. Вообще-то я намекаю, что Лили пора выдать ее любимую реплику из фильма «Золотой век». Сам фильм мы с ней не смотрели, но пока его крутили в кинотеатрах, этот диалог так часто пускали в эфир в рекламных роликах, что мы оба чуть не лопались со смеху, едва услышав, как вопит Кейт Бланшетт в роли королевы-девственницы. Моя собака изображает Кейт Бланшетт лучше всех.

Лили немного оживляется и как по команде выпаливает:

— Я могу повелевать и ветром, сэр! Во мне бушует ураган, который опустошит Испанию, если вы осмелитесь испытать меня! Пусть приходят со всем воинством ада — они НЕ ПРОЙДУТ!

Ради меня Лили старается всю, попытка оказывается удачной. Но если говорить начистоту, не самой лучшей. Скорее всего инстинктивно она уже знает то, что теперь стремительно доходит до меня: она — моллюск, она — краб, она — морской слизень.

А осьминог голоден.

И она достанется ему.

Маскировка

Пятница, день

В кабинете моего психотерапевта стены имеют оттенок несоленого сливочного масла. Сидя в нем на кушетке, которая из-за единственной лопнувшей пружины страшно бесит неудобством, я часто представляю себе, как записываю эту комнату целиком в чашу миксера, вместе с коричневым сахаром, мукой, ванилью и шоколадной крошкой. Когда я раздражаюсь и когда мне кажется, что я лучше окружающих понимаю, что происходит, меня нестерпимо тянет на печенье. Хрустящее снаружи, вязкое внутри, свежевыпеченное печенье с шоколадной крошкой, только что вынутое из духовки — так, чтобы шоколад слегка подтаял, но не расплавился совсем. Не знаю, что следует из этого стремления утешаться лакомством, но в голове у меня навсегда застряли слова Коржика: «Сегодня нужно жить одной минутой, но только